

Американские сказки

Джон Генри

Джон Генри еще под стол пешком ходил, а уже молоток крепко в руках держал. Он вечно болтался под'ногами у взрослых, которые работали молотком и гвоздями, и стоило ему найти гвоздь, хоть ржавый, хоть целый, он тут же вколачивал его в стену своей хижины. Можно даже сказать, Джон рос с молотком в руках.

Отец и мать Джона были рабами, как и все прочие негры в Америке. Но когда в 1865 году кончилась гражданская война и президент Эб Линкольн подписал освобождение негров из рабства, Джон Генри оставил плантацию и занялся металлоломом.

Он бил и резал старое железо, оставшееся после гражданской войны, чтобы его снова могли пустить в дело. Его железо шло на новые молотки, молоты и стильные буры, а также на рельсы для железной дороги.

Поначалу Джон Генри работал молотом весом в двадцать фунтов¹. Возмужав, он уже закидывал через левое плечо молот весом в тридцать фунтов. Потом стал гнуть и ломать старое железо молотом в сорок фунтов. И наконец кромсал его молотом–великаном в семьдесят фунтов.

Пройдя всю эту науку, Джон Генри решил заняться делом поинтереснее. Ему захотелось теперь пустить в ход один из новых молотов, сделанных из старого железа, которое он гнул и ломал.

Он мечтал заколачивать этим молотом костыли в шпалы, чтобы надежнее держались рельсы, сделанные из железа, которое он крошил.

И Джон Генри пошел работать на железную дорогу. Вскоре он один мог выполнять работу целой бригады железнодорожных рабочих. Пока бригада вбивала костыли в левый рельс, он успевал покончить с правым рельсом. У него было два помощника, чтобы подавать костыли, и еще два, чтобы бегать за едой.

Однажды Джон Генри сказал своему главному, который руководил всей работой, чтобы тот дал передышку бригаде. Мол, он сам справится с обоими рельсами.

Джон взял в каждую руку по молоту весом в десять фунтов и пошел между рельсами по шпалам.

Слева направо, справа налево взлетали через плечо его молоты, описывая сверкающую дугу. Удар – и костыль вогнан в шпалы. Еще удар, еще один костыль вошел в шпалу.

Весь день бригада глядела, как Джон Генри работает, и любовалась, и радовалась. Вот это мужчина, говорили они один другому. Настоящий мужчина!

Что и говорить, Джон Генри был лучшим железнодорожным рабочим на всем Юге, а если по справедливости, то и во всей стране. Размахивать молотом было его любимым занятием еще с детства.

Размахивая, он пел. Молот со свистом разрезал воздух, и в такт ему звенели слова песни. А–аа! – отзывалась шляпка костыля, когда Джон ударял по ней молотом. А–ах! – крикал Джон, опуская с размаху молот.

Нету такого молота – а–а! В наших горах – а–ах! Нету такого молота – а–а! В наших горах – а–ах! Нету такого молота – а–а! Поющего, как мой – о–ой!

Все, кто работали вместе с Джоном, очень гордились им, а потому печаль легла им на сердце, когда они услышали его новую песню. Начиналась она так:

Бери мой молот – оо!

А кончалась:

Ну, я пошел – оо!

Ему стало известно, что в других местах найдется более трудная и важная работа для его молота.

К тому времени всю страну исчертили железные дороги. Когда их строили, всюду, где можно, старались сократить путь. Так, вместо того чтобы строить дорогу через гору или вокруг горы, ее теперь проводили напрямик сквозь гору по тоннелю.

Обычно, чтобы пробить в твердой скале тоннель, устраивали взрыв. Но сначала молотобойцы молотами с помощью стальных буров прорубали в скале шурф – дыру, а потом уже в эту дыру закладывали взрывчатку или динамит.

Самый длинный тоннель прокладывали тогда на железной дороге между Чесапиком и Огайо.

– Вот где стоит поработать! – решил Джон Генри. – Я свободен, и сил у меня хоть отбавляй, – радовался он, когда пробирался горами в Западную Виргинию, где строился этот знаменитый тоннель Биг–Бенд между Чесапикским заливом и штатом Огайо, или, как тогда говорили, – Ч. и О. – Такая работка как раз по мне.

Он шел и пел, и его густой бас наполнял бездонные каньоны, отражаясь от их стен громким эхом:

Мой молот поет, поет.

И белая сталь поет, поет.

Пробью я дыру, да, ребята.

Большую дыру, дыру.

Пробью я дыру,

Большую дыру, дыру.

Джон Генри не сомневался, что пробьет своим молотом с помощью стального бура в неприступной скале большую дыру.

Когда Джон Генри дошел до Биг–Бенда, главный строитель лишь глянул на великана–негра и на его мускулы и протянул ему молот восьми фунтов.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Не годится мне восьмифунтовый молот, – сказал Джон Генри. – Если ты хочешь, чтобы я пробурил дыру, дай мне молот побольше и позволь выбрать для него рукоятку, какую я люблю, – сказал Джон.

Тогда главный подал Джону Генри десятифунтовый молот и целую грудку рукояток на выбор. Джон Генри выбрал из них самую тонкую и подстрогал ее еще потоньше. Ему нужна была рукоятка крепкая, но гибкая, чтобы гнулась, но не ломалась, когда он будет ударять молотом по стальному буру.

Но достаточно ли она гибка, решил проверить Джон и, насадив молот на рукоятку, поднял его и так держал в вытянутой руке, пока тяжелый молот на гибкой рукоятке не склонился до земли. Вот тогда Джон Генри остался доволен.

– И чтобы шейкер был у меня высший класс! – сказал еще Джон Генри.

Шейкером называли рабочего, который раскачивал и поворачивал в дыре стальной бур. Острый конец бура должен был все время пританцовывать, откалывая кусочек за кусочком твердую породу, а не стоять на месте, иначе его совсем заклинило бы.

Главный окинул всех глазом и выбрал среди белых рабочих великана ростом почти с Джона Генри.

– А ну–ка, Малютка Билл, – сказал ему главный, – ступай с буром в обнимку за Джоном Генри в тоннель. Тебе выпала честь быть его шейкером!

Что ж, Малютка Билл готов был поработать шейкером у такого славного молотобойца. Он рассказал Джону Генри, как собирались вручную пробить этот великий тоннель. В те времена никто еще не знал, что такое буровая машина.

Сразу две бригады принялись за дело с противоположных концов горы. Впереди шли молотобойцы, вонзая в твердую породу острие стального бура. Они пробивали дыру, в которую потом закладывали динамит и взрывали скалу. Получался узкий тоннель – "главный". Потом бурили пол "главного" тоннеля и динамитом расширяли его

до нужных размеров, чтобы через тоннель мог пройти поезд.

Железнодорожная компания "Ч. и О." очень спешила со строительством великого тоннеля Биг–Бенд, потому–то и начали пробивать гору сразу с двух концов. Обе бригады должны были встретиться в середине горы.

Малютка Билл сказал Джону Генри, что прокладка тоннеля – работа тяжелая. От керосиновых баков, освещающих путь, такой чад, что нечем дышать. А пыль! И от взрывов и от крошащейся породы под острием бура.

Но Джон Генри только посмеивался на все это, продолжая ползком пробираться вперед по "главному" и вгрызаясь все глубже в скалу.

Шутки ради Джон Генри придумал даже новые слова для своей песни:

Мой бедный помощник, мне жаль его. Мой бедный помощник, мне жаль его. Мой бедный помощник, мне жаль его.

Каждый день, каждый день уносит одного.

Они прошли уже почти весь "главный" тоннель. Малютка Билл обеими руками держал бур, сверлящий скалу под ударами Джона Генри. И под ритм ударов Джон Генри продолжал петь:

Скалы и горы нависли над нами, Скалы и горы нависли над нами, Каждый день, каждый день Здесь один погребен.

А с другой стороны горы к стене посредине тоннеля приникли бурильщики из встречной бригады и затаив дыхание слушали, как рокошет, разносится густой бас Джона Генри.

Мой друг–молот поет, как алмаз.

Мой друг–молот рассыпается серебром.

Мой друг–молот блестит, словно золото.

Джон Генри был счастлив как никогда.

– У кого самый точный удар по головке бура? У Джона Генри! – гордился и хвастал Малютка Билл. – Кто глубже всех сверлит дыры в скале? Джон Генри! Кто быстрее всех работает молотом? Джон Генри, Джон Генри!

Каждый из тысячи, кто пробивал великий Биг–Бенд, слышал про Джона Генри. Он был знаком почти всем.

Когда бурильщики выползали из узкого "главного" наружу, спасаясь от очередного взрыва, они, все как один, говорили, что Джон Генри бьет своим молотом до того сильно и быстро, что Малютка Билл не всегда успевает трясти и повертывать стальной бур, и тот, перегреваясь, начинает плавиться.

Малютке Биллу дали совет: запастись дюжину бочек льда, чтобы охлаждать бур. Да что там бочки со льдом, ему приходилось запастись и молоты, чтобы менять их по несколько раз на день, так как в руках Джона Генри они слишком быстро перегревались и тоже делались мягкими, словно воск.

Когда любопытные зрители подходили к тоннелю, они просто пугались. Им казалось, что вся гора сотрясается до основания и буйный ветер в четком ритме врывается в глубь тоннеля. А что, если это надвигается землетрясение? Однако бурильщики объясняли, что всего–навсего это разносятся удары молота в руках Джона Генри по головке стального бура.

Все, кто работал на великом Биг–Бенде, гордились Джоном Генри. Он делал своим молотом все, что может сделать молотом человек.

И главный строитель тоже гордился им. Он тут же позвал к себе Джона Генри, когда на Биг–Бенд появился однажды инженер и предложил пустить в ход новую маши–

ну – паровой бур. Она работала на пару и могла заменить трех молотобойцев и трех бурильщиков сразу.

Услышав о таком чуде, Джон Генри рассмеялся. Громкие раскаты смеха сотрясли воздух, и теперь настала очередь пугаться тем, кто работал в тоннеле. Они решили, что началось землетрясение, и выскочили из тоннеля наружу, чтобы посмотреть, что случилось. А узнав, что говорит инженер про новую буровую машину, посмеялись вместе с Джоном Генри.

Почему? Да потому, что кто–кто, а они хорошо знали, что Джон Генри может справиться с работой не трех, а четырех бурильщиков, вот как!

Тогда инженер рассердился и вызвал Джона Генри на состязание. Выбрали самую крепкую скалу, которую отовсюду было хорошо видно. Малютка Билл принес лучшие стальные буры, некоторые длиною даже больше двадцати футов. Собралось много народу. Пришла и жена

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Джона Генри – Полли Энн – в нарядном голубом платье.

Джон Генри потребовал двадцатифунтовый молот. Он привязал к его рукоятке бант и запел:

Человек – только человек. Но если мне не одолеть

Твой паровой бур, Пусть я умру с молотом в руке.

Главный поставил Джона Генри по правую сторону горы, а инженера с его паровым буром – по левую. Потом вскинул ружье и выстрелил. Состязание началось.

Двадцатифунтовый молот описывал дугу вверх, за плечо, потом, со свистом разрезая воздух, снова вниз – бум! – по головке стального бура" И снова вверх, сверкая словно комета, через плечо, за спину и снова вниз. Вверх – вниз, вверх – вниз. Джон Генри работал и пел:

Мой молот звенит, звенит, А сталь поет, поет. Я выбью в скале дыру, дыру. Эгей, ребята, в скале дыру, Я выбью в скале дыру.

Но паровой бур от него не отставал. Рат–а–тат–тат!.. – гремела машина. Пш–ш–ш–ш... – шипел пар, скрывая от глаз и скалу, и машину. Никто поначалу даже не мог разобрать из–за пара, кипит работа или стоит, крошится скала или нет. Однако Малютка Билл знал свое дело и, когда нужно, менял короткий бур на более длинный, потому что дыра в скале все углублялась под могучими ударами Джона Генри. А потом все увидели, что инженер тоже меняет наконечники бура, выбирая все длинней и длинней. Его машина уже продолбила в скале дыру глубиной в двенадцать дюймов. Ну, а Джон Генри? Нет, пока он продолбил скалу лишь на десять дюймов. Лишь на десять!

Но он не унывал, дружище Джон Генри. Он бил молотом и пел.

Бил и пел. Он бил молотом все утро без передышки и пел, обрывая песню лишь для того, чтобы кликнуть свою жену Полли Энн. И она тут же выплескивала ведро холодной воды Джону Генри на спину, чтобы ему стало прохладней и веселее работать.

В полдень Джон Генри увидел, что паровой бур просверлил скалу глубиной на десять футов. А сколько сделал сам Джон Генри? Ах, всего девять!

Ну и что ж тут такого? Джон не волновался, он сел спокойно обедать и съел все, что принесла ему Полли Энн. Но он ни слова не говорил и больше не пел. Он глубоко задумался.

После обеда состязание продолжалось. Джон Генри стал подгонять свой молот. И шейкер стал работать быстрее. Джон Генри попросил своих друзей–молотобойцев петь его любимую песню – песнь молота.

– Только пойте быстрее! – попросил он. – Как можно быстрее!

И они запели, а Джону Генри оставалось только подхватывать – а–ах!

...такого молота – а–а! В наших горах – а–ах! Нету такого молота – а–а! Поющего, как мой – о–ой!

Медленно, но верно Джон Генри стал постепенно нагонять паровой бур. Когда же спустился вечер и близился конец состязания, Малютка Билл взял самый длинный свой бур. Обе дыры в скале были тогда глубиной по девятнадцать футов. Джон Генри сильно устал. Даже пот перестал лить с него градом, он весь высох, а дыхание из его груди вырывалось со свистом, словно пар из бурильной машины.

Но что там говорить, машина тоже устала. Она стучала, и гремела, и дрожала, и шаталась. Без хлопков и ударов она уже не работала.

Когда Джон Генри из последних сил занес над головой свой молот, молотобойцы, стоявшие с ним рядом, услышали его осипший глухой голос:

Я выбью в скале дыру, дыру. Эгей, ребята, в скале дыру, Я выбью в скале дыру.

И он выбил дыру. Главный дал выстрел из своего ружья, чтобы сказать всем, что состязание окончено. И тогда все увидели, что Джон Генри пробуровил дыру в скале глубиной ровно в двадцать футов. А паровой бур всего в девятнадцать с половиной.

Победил Джон Генри!

Но не успел главный объявить победителя, как усталое тело Джона Генри приникло к земле.

– Человек – только человек, – прошептал он и умер.

Джон Генри. Вот это был Человек!

Кофе по–ковбойски

Такое могло случиться только в Техасе. Для вящей верности назовем даже точное место – прямо на север от Грейама, чуть в стороне от Уичито–Фолса, где веют свободные ветры, душистые, как утренний кофе!

Там под открытым небом лучшие техасские ковбои объезжали лошадей. У хозяина ранчо и его ребят дел было по горло. Чуть занимался рассвет, а уж ковбои верхом на конях носились наперегонки. Все чем–нибудь да занимались в ожидании раннего завтрака и кофе.

А надо вам сказать, хозяин ранчо был знаменитейшим во всем Техасе кофеваром. Он почти никогда не доверял это дело повару и, как правило, варил кофе сам. Крепкий утренний кофе по–ковбойски в стране дичков и кривоногих ковбоев слаще пения скрипки в субботний вечер!

А что такое крепкий кофе по–ковбойски, вы знаете? Нет? Сейчас расскажем.

Берется два фунта молотого кофе и сыплется в кипящую воду. Кипятится два часа, процеживается через лошадиную подкову и кипятится еще немного. Вот настоящий кофе по–ковбойски и готов!

На этом ранчо был котелок на три галлона, в котором ковбои готовили свой излюбленный напиток.

Перво–наперво хозяин сам промывал котелок, чтобы уж не сомневаться в его чистоте. Наполнял его прозрачной водой, ставил кипятить, потом высыпал туда побольше свежемолотого крепчайшего кофе. Кофе кипел и пенился, и восхитительно пряный аромат разливался в воздухе, словно сладкий весенний ветерок.

Все рассаживались вокруг и принимались за пресные лепешки с беконом, запивая их дымящимся кофе. Истинное наслаждение! После завтрака все в добродушнейшем настроении садились верхом на своих лошадок.

Все, кроме хозяина. Он любил сам вымыть котелок, чтобы не сомневаться в его чистоте и знать, что он готов для следующей трапезы.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вот однажды прополоскал он котелок несколько раз, да еще засунул в него руку, чтобы проверить, не осталось ли на дне кофейной гущи, и, когда коснулся дна, почувствовал там что-то мягкое и скользкое. Подцепил, вытащил и... О, ужас! Это оказалась длиннющая, в семь дюймов, сороконожка!

Слышали вы когда-нибудь про техасских сороконожек? У каждой сорок ног, и в каждой ноге смертоносный яд. Достаточно прикосновения одной ядовитой ноги, и ты уже мертв! А представляете себе, что значит съесть ее целиком?

Хозяин ранчо был человек порядочный и честный. Увидев, какое сороконогое чудовище варилось в кофе, он стал блее полотна. Этот ядовитый кофе отравит его самого и его ребят!

И он поступил так, как любой порядочный техасец поступил бы на его месте. Он завыл-закричал-завопил громче тысячи койотов, чтобы созвать всех своих людей. Что-что, а соображать он умел, и соображал быстро. Все тут же прискакали назад.

– Друзья, – сказал он, – нам конец! И по моей вине. Я сварил ядовитую сороконожку в нашем кофе. – Он поднял высоко длинное гибкое тело гнусного насекомого. – Одного укуса сороконожки достаточно, чтобы отравить человека. А раз я варил эту ядовитую гадину в кофе, значит, кофе и вовсе отравленный. До Грейама больше двадцати пяти миль. Может, там нам и помогли бы, но нам не поспеть! Надежды нет. А коли уж нам суждено умереть, умрем, ребятки, как истинные техасцы!

Ковбои не спеша слезли с коней, они были мрачны и безутешны. Все сели в круг и стали ждать... Кое-кто попробовал засунуть пальцы в рот, чтобы изгнать из себя всю отраву. Другие подбадривали себя такими крепкими словечками, что пробуравят оловянные тарелки. А один даже похвалил хозяина:

– Это был твой лучший кофе! Так они ждали... ждали... и ждали, пока яд сороконожки подействует.

Долго ждали... Прошел час. Потом медленно протянулся второй. А никто не умер! Ни у кого даже живот не заболел!

Хозяин был озадачен.

– Может, вареная сороконожка вовсе и не ядовитая?! – недовольно пробурчал он. – Может, сороконожка вообще не вредна техасским лодырям? Лично я чувствую себя бодрей сына самого громовержца на огненной колеснице!

– И я!.. И я!.. – раздалось со всех сторон с шумным облегчением.

– Гип-гип, ура! – И ковбойские шляпы полетели в воздух. – Этот кофе для ковбоев не страшен! Отличный был кофе!

Смеху тут было и всяких шуточек! Помалкивали только отпетые зануды, которые вообще не понимают шуток.

– Эй, хозяин, еще один отравленный завтрак из медведя под уксусом – и мы со страху излечимся все от чесотки!

– Верно, ребятки, веселей умереть от чашечки первоклассного кофе, чем от ревматизма в старости!

И все отправились работать в прекраснейшем настроении и... в добром здравии.

На другое утро хозяин заявил:

– Уж сегодня я так сварю кофе, что никакая сороконожка не заберется в него!

Он хорошенько вычистил котелок, потом налил воды и насыпал кофе.

И вскоре уже все сидели вокруг и наслаждались горячими лепешками с беконом и крепким кофе.

Самый тощий ковбой на ранчо, по прозвищу Тростинка, сказал:

– Кофе что надо, хозяин! Бьюсь об заклад, ты опять положил в него славненькую жирненькую сороконожку!

– Шутки в сторону, Тростинка! – сказал хозяин. – На этот раз ты проиграл. Нет никаких сороконожек в кофе!

Когда с завтраком было покончено, хозяин вытряхнул кофейную гущу и... вот те раз! Опять из котелка выпала отличная вареная сороконожка.

Ну и ну! Ведь он все сам проверил, все осмотрел. На глазах у других ковбоев.

– Не знаю, не знаю, – сказал он, – смягчат ли сладкие слова сердце упрямого северянина, но что кофе с вареной ядовитой сороконожкой особенно хорош – это точно!

(Фунт – мера веса, примерно 400 г.)